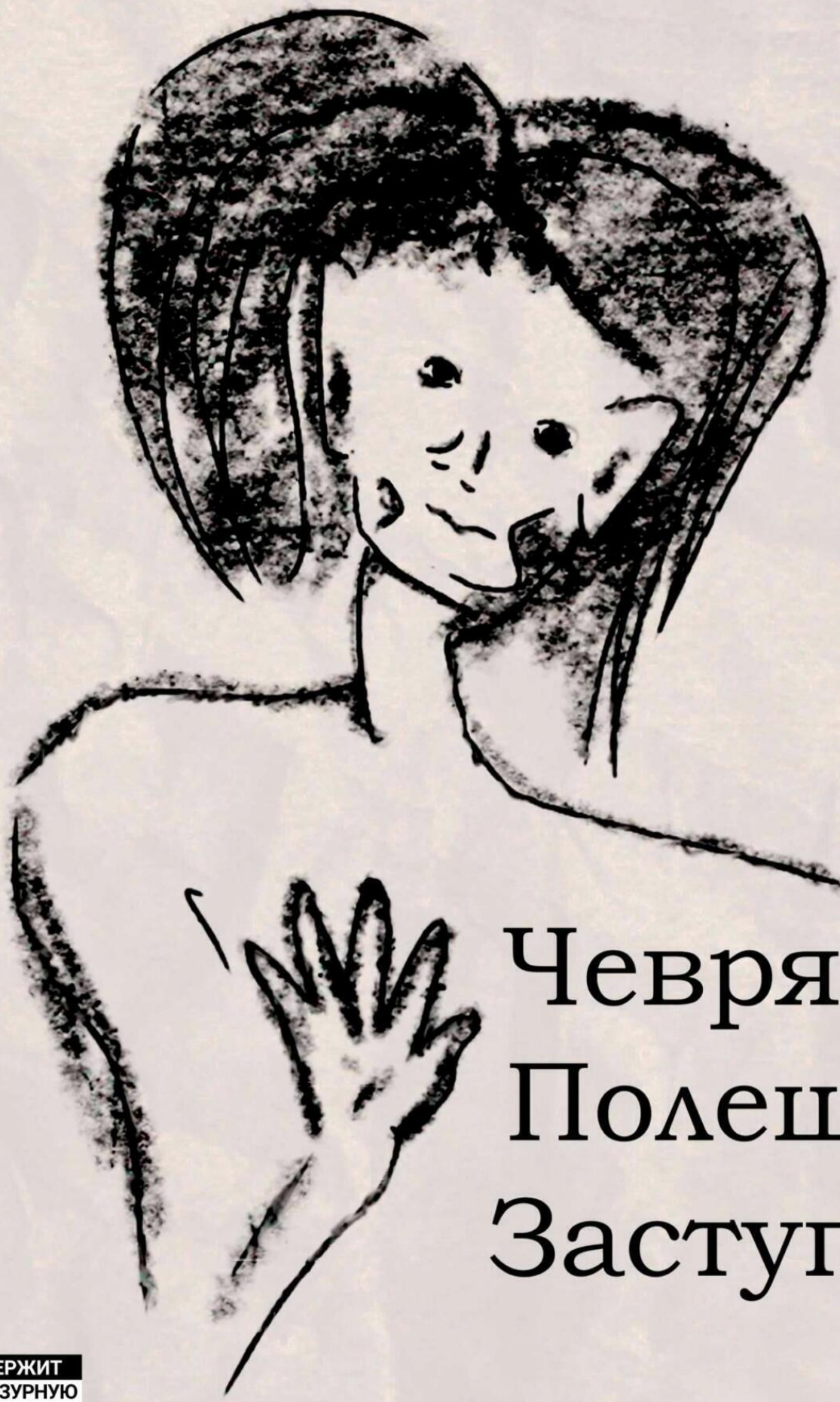
Серёжа Серёгин

Чевряки
Полешки
Заступы

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Сергей Серегин

Чевряки. Полешки. Заступы

«Автор»
2025

Серегин С. В.

Чевряки. Полешки. Заступы / С. В. Серегин — «Автор», 2025

Дурная, пошлая литература рождается из самых чистых, из самых лучших и прекрасных чувств. Таково свойство мечущейся писательской души.

© Серегин С. В., 2025
© Автор, 2025

Сергей Серегин
Чевряки. Полешки. Заступы

Я схожу с ума и понимаю это предельно ясно – так, как осознают, например, свою скорую кончину старые больные кошки и забиваются по углам, только бы не смердеть у всех на виду. Я – огромный колокол, раскачиваемый десятью глупцами – каждым в свою сторону. Я хотел бы быть соловьём, но пожинаю плоды своей нерешительности, своей глупости и мелочности. Я – призрак Бог знает какого покойника, и поэтому, может быть, мне несложно признаться во всём сказанном, ведь я только и ищу, наверное, что утешение и оправдание для себя самого.

Меня охватило состояние того ненастного счастья, в котором здоровый человек не может, да и не имеет права пребывать. Всё потому, что он, здоровый человек, между слепотой и безумством, к своему счастью, выбрал первое. А нам, дуракам, избравшим путь безумств, остаётся только и радоваться той жалкой радостью идиотов, что мы «умнее и лучше других». Какой дурак! И я не буду об этом много говорить, ибо только и только идиот убеждён в том, что все, кроме него, идиоты.

Мне, осознающему всю гибельность своего положения, единственно и остаётся, что сочувствовать себе во всём или даже пытаться вызывать это сочувствие у других. А зачем ещё, по-вашему, я писал и пишу стихи? Такая нелепая причина, правда? Я никогда не желал превращаться в какого-нибудь Тинякова и обсасывать свою собственную никчёмность, но я, похоже, только этим и занимаюсь. Разве что без его былой удали. Но, впрочем, это не исповедь, и я о многом солгу в последующих строках.

Клопы

Я сидел в поезде, лицом против движения – так почти не слепило солнце. Ехал я домой, в столицу. В общежитии травят клопов. Пришлось отправиться к родителям – на несколько дней. На мне длинное серое пальто, белая рубашка и широкие бежевые брюки – весьма заурядно. Просто я стараюсь быть похожим на хулиганистого интеллигента.

Конец апреля. Нас ждёт археологическая практика, а затем – сессия. Стоило бы, конечно, уже начать подготовку, но это так тяжело и муторно.… Не сами предметы, конечно, нет – труднее их мысль о том, что бы я просто взял в руки книгу. Даже одну. Смешно, но как есть.

Меня снова мучают зажимы в мышцах – до судорог. Не могу ни на чём сфокусироваться. Только поймаю какую-нибудь мысль, может быть, важную, как тут же заноет мышца руки, ноги, спины, шеи, в очередной раз вынуждая меня совершать болезненные движения. Я пытаюсь отвлечь себя лесом в окне. Неудачно. Ничего не получается, да и любимая музыка тоже ничуть не помогает.

В тамбуре курили. Я сидел у дверей, так что почувствовал горько-пряный запах, даже не посмотрев в их сторону. Может мне тоже пойти покурить? Людей в вагоне-то не очень много, так что…

Вдоволь надымив, я присел на то же место. Никотин дал мышцам расслабиться – зажимы больше не мучали, и я заскучал, смотря в окно. Деревни и реденькие лесопосадки сменились частой городской застройкой. Мы уже не так далеко – узнаю знакомые станции. Ну и зачем я пошёл курить? Всё равно ведь через полчаса буду на перроне. Бог с ним.

И точно – через полчаса я вышел на площадь. Тут и там кружились автобусы и маршрутки – глаза разбегаются. Люди снуют по тротуарам, суетятся на остановках, кричат что-то невнятное друг другу. И эти крики особенно раздражают – всякий возглас я принимаю на себя, словно каждый прохожий здесь вдруг захотел мне что-то высказать – всю злобу, гнев, недоуме-

ние из-за упущенного автобуса…. Да почему они на меня так смотрят?! Нет, я и хоть люблю внимание людей, и даже порой упиваюсь им, но сейчас-то что они во мне увидели?

Помню, в детстве я боялся выйти на улицу в чем-то, что хоть немного обратит на себя липкие взоры прохожих. Потом же, когда стал чуть старше, я сделал своим преимуществом пристальное внимание окружающих, но то детское наивное чувство всё же иногда вскипает во мне. Порой, бывает, выйду на улицу – солнце слепит; я одет во что-нибудь непримечательное, иду, курю. Кажется, ничто не может нарушить мой внутренний покой. Но вот, чуть пристальней всмотрюсь и с ужасом пойму, что меня самого рассматривают десятки глаз. «Господи! Ну зачем они это делают?!» – задам я себе глупый вопрос – «зачем?!». Откуда же берётся это тревожное чувство, если обычно я с нелепой надменностью сношу все эти взгляды незнакомых мне людей?

Глупо. Стараюсь быстрей уйти оттуда, ведь из-за стресса у меня и начинаются те самые зажимы. В автобус я, конечно, не сел, а до дома добрался пешком и, уже стоя в подъезде, долго вдыхал запах свежей краски.

Девушки

Я дома. Мне написал один журналист – бывший одноклассник, и один тех людей, к которым наиболее подойдёт приписка «кореш». Так вот этот кореш предложил выпить – так, чтобы насовсем и "в ноль". Я, конечно же, быстро, без раздумий согласился. Тёмным вечером, когда фонарные столбы прогнали за горизонт солнце, сказав, что и без него прекрасно справляются, когда это солнце скрылось в саду, я вышел из дома – с сигаретой в зубах, с паспортом в левом кармане и с блаженным восторгом в правом. Такую, почти невесомую, лёгкость в душе я испытываю нечасто, в основном – перед застольными вечерами. Потом этот восторг куда-то испаряется, причём именно в тот момент, когда и начинается самое «веселье»…

– Ну, начинаем наши похороны! – хриплю я и посылаю первую рюмку в рот. Мой приятель согласно мычит – его сегодня бросила девушка, о чём он не постеснялся сразу же мне и рассказать. Мы-то с ним почти не общаемся, но так как оба мы оказались в столь затруднительном положении – иначе говоря, оба были покинуты дамами – то и сошлись мы на этой теме очень легко.

– Я виноват! – говорил кто-то из нас.

– И я не меньше виноват! – вторил кто-то первому.

– Дура. Лицемерная. Смешная. Да и, к тому же, её зубы… – говорил уже, очевидно, я. Говорил не так, как сам думал. Скорее поддавался влиянию пьяного друга, будучи сам далеко не трезв. Просто так казалось проще – в самом деле – не защищать же её? Не лучше ли оставить всё самое сокровенное при себе, под сердцем? А то ещё этот алкоголик подумает, что я не стоик, что не сношу, что не хочу сносить крепкие оплеухи судьбы. Но – конечно, я так не думал о Ней. Нет, отнюдь, Она красивая, да и её выпирающие зубки только украшали и без того самодостаточную внешность…

Утро. Сегодня Первомай. Вышел под дождь. Мне стыдно. Отчего же это? Понятно почему – я пью и выдумываю… Нет, заставляю себя выдумывать химеру из, в общем-то, самой обычной простой русской девушки, такой, которых «сто тысяч в России». Так принято, да? – демонизировать партнёра – находить самое жуткое, чудовищное в нём, чтобы унизить, изничтожить все свои прежние чувства. Какая подлость.

– О, моя курящая Россия!.. – говорю я сам себе и смотрю на спящую под навесом собаку. Всматриваюсь – а у собаки из задницы торчит безысходность.

Душ меня совсем не согрел. Мне всё ещё холодно.

Дурочка

Одно я знаю точно: мы с Ней допизделись. С Ней, в смысле с той, с которой у нас ничего не вышло и с которой всё закончилось на третьем месяце отношений. Юношество, что с него взять!.. И вот, дрянь воспоминаний снова окунает меня в стыдливую неопределённость…

Впервые я увидел Дурочку за игрой в «Мафию» в кабинете музыкального факультета на первом этаже общежития. Она показалась мне по-хулигански смешной: голосистая, высокая, двумя косами на тонких плечах, с чуть заметным дистальным прикусом, который придавал ей схожесть с какими-нибудь зверьками из леса, а глаза – да я не помню – вроде бы серые… Я умилился ей, но тогда же подумал, что она несколько заносчива…

Я много извинялся перед ней. Потому что и правда считал себя виноватым в том, что мы расстались и в том, как именно мы расстались. Мне стыдно за мои слова, обращённые к ней в те январские дни. Мне просто стыдно – без лишних слов.

А ещё страшнее то, что происходит со мной сейчас. И, мне страшно в этом себе признаться, но будь у меня возможность порушить счастье для её нынешнего молодого человека, я бы… порушил, только б поговорить с ней ещё, может быть, парочку раз.

А моему товарищу, уже потом, она сказала, что я козёл и, к тому же, изменщик. Вот как! Но я скажу, а вы, само собой, мне не поверите, что ничего такого и не было… Да! – у меня есть близкая подруга, с которой, к тому же, у нас были когда-то давно любовные отношения – это правда. И ещё правда в том, что когда Дурочка поставила мне выбор – между ними двумя – я выбрал дружбу. Но зачем это всё было? Кто-нибудь объяснит мне? Неужели когда я отчаянно пытался познакомить их между собой, сдружить, хотя бы просто сгладить нарастающее напряжение, Дурочке не стало понятно, что я только-то и всего, что хороший друг и ответственный(?) молодой человек.

Нет? Извольте!.. Когда она мне сказала, что «всё между нами окончено», я вроде бы даже поймал её на некоем противоречии, мол, расстаёмся мы не из ревности, а из-за её детскости и нежелании вступать в серьёзные отношения… Поймал! Но она сказала, что ложь это нормально, и что все люди лгут. А это, пожалуй, самое жуткое – лгать «во имя добра», прямо в лицо лгать. А мы так и живём. Мы, всё наше поколение, мол, «извини, Мишенька, мы расстаёмся! Больше не люблю!», и неведомо ей, дуре, что она и дня его не любила.

А извиняться за чувства? Как вам? Это же вообще что-то неприличное! Да – слабые, до исступления слабые и никчёмные живут люди: за то, как ходят – извиняются, за то, что делают – извиняются за то, что думают – извиняются, за то, что любят – извиняются… И даже за то, что живут – извиняются, сволочи…

Взять хотя бы иной случай – девушку по имени А. – милая, нежная и добрая художница. Я терзал её, бил ей по сердцу так, как бьют ремнём собаку, а она бьющую руку лизала. А потом, когда всё кончилось, она только и сделала, что извинилась. Нет, ну зачем ты извинилась, дура?!

Пожалуй, вру. Я пил, а ты сбежала от отвращения ко мне. От отвращения к моему декаденству, к моей псевдоинтеллигентности, к моим собачьим принципам, к моей собачьей душе… Ты сбежала, потому что я импульсивен, самовлюблён и раним. Или же дело в порванном презервативе? «Дело в нём» – скажут Они, но я их не слушаю, да и не знаю.

Любил ли я? Оставьте этот вопрос для других, потому что я на него не отвечу. Даже не решусь отвечать. Любовь – это взгляд с экрана – таков мой вывод. «Молчи, убогость, живущая во мне!» – говорю я. – «Умри и стихни!». Грудь рвётся от неясного чувства. Помните «Евангелие от Матфея»?

«*Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то*

же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?».

Кого не встречу – скажу: «Вы любите неправильно! Ваша любовь не истинна! Вы избирательны, но не любите! Вы глупы и аморфны! Вы излишне привязаны к телу!». Говорю так, будто бы я вообще способен любить, будто бы не боготворю женское тело, будто бы не ласкаю себя по ночам, вспоминая знакомых и подруг, и Дурочку… А как заканчиваю «играться», так сразу впадаю в подобие отчаяния – что-то во мне гикнет, свистнет, всхлипнет, да как заревёт! И сразу мне горько станет от одной мысли, что я этих людей в лицо знаю… Такая вот сентиментальная эротика. Как хорошо, что она меня забыла.

Но вот – говорю я: «*Извини меня, моя Дурочка!*»

Патриотизм

В университете проводили мероприятие, посвящённое Дню Победы. Туда согнали весь первый курс, и даже часть второго. Подневольно там оказались и мы – я и мой товарищ Даня. Никакой дурак не назвал бы происходящее на сцене хоть сколько-нибудь интересным, а иные номера доходили даже до какой-то одутловатой пошлости. Нельзя же так! А главное – ходят все – такие важные, с ленточками, будто индюки – надутые.

Дебелая девчонка пела песню о фронтовиках и их невестах и жёнах. Но вот, среди прочих картинок, на экране – огромное-огромное – появилось изображение вермахтовского обер-ефрейтора в обнимку с белокурой немецкой фроляйн! Мы с товарищем тотчас же засмеялись, хотя, кажется, оба мы, глубоко внутри себя, ощутили невыразимый ужас.

– Жалкая нация, – потом уже, серьёзно сказал товарищ. Я ответил:

– А она, Россия, вся такая – блаженненькая.

На переднем ряду, недалеко от нас, сидела, хлопая глазками, рыжая девочка, с которой я познакомился ещё в сентябре. Тогда она мне понравилась за её природную кротость и чёрное – в горошек – платье. В этот же день она меня осудила за пьянство и мою разнузданность, и это соблазнило меня ещё больше. И правда – милая, в меру строгая, и столь же мягкая девушка – мечта для поэта-авантюриста… Но потом я стал всё чаще видеть её на подобных этому мероприятиях, читающую дрянные стишки «про берёзки да про тополя» с нарочито-важной мордой, и понял, что *и клопы красивые, если их на расстоянии рассматривать*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.